

Охота пуще неволи

Кладоискатель Куракин

Алексей Куракин известный в Казани коллекционер-кладоискатель. Если в городе сносили старинный особняк, то он со своим чёрным саквояжем, где находился необходимый инструмент и фонарик, уже кружил как ворон рядом. На каждый дом в старой части Казани было у него заведено досье. В папке хранились сведения, а иногда и фотографии всех известных владельцев дома и большинства его жильцов. Прилагалась схема расположения комнат с пояснением, кто и когда их занимал. Досье это было неоценимо в поисках интересующих коллекционера вещей.

Когда на улице Свердлова сносили ветхий купеческий дом, то Куракин,ждавшись, когда бригада рабочих, уйдет домой, проник на второй этаж, в заветную коморку. Отодрал обои, слой за слоем, и добрался до агитплакатов 20-х

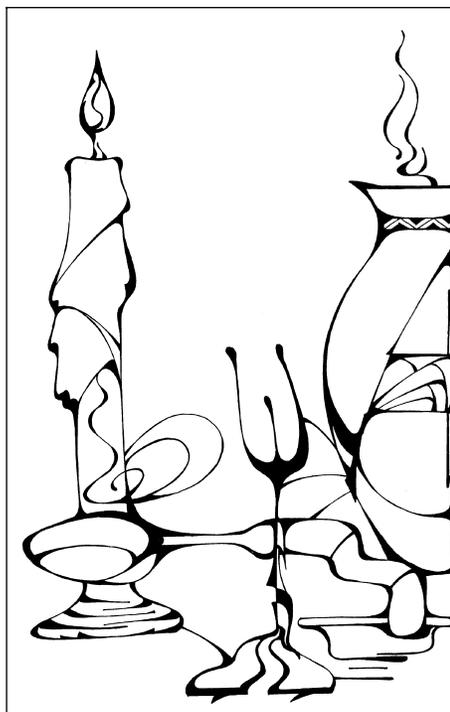
годов. После чего аккуратно снял их со стены, и после соответствующей обработки, продал в Москву по цене 50 долларов за штуку!

Всё дело в том, что Куракин знал наверняка, что в этой комнате до войны проживал некто Уваров, работник типографии, специалист по изготовлению цветных афиш и плакатов. Таким же способом он нашёл в особняке купца Климова под покрашенным дубовым паркетом 27 золотых червонцев, французские золотые часы и дамский портсигар в виде раковины с тремя жемчужинами внутри. Обратив внимание на паркетный пол, хорошо сохранившийся благодаря толстым листам фанеры, Куракин вскрыл их и увидел, что паркет по всей своей площади был инкрустирован карельской берёзой в виде бамбуковых зарослей с фламинго. Но при внимательном осмотре заметил, что в одном месте изображение было нарушено: паркетина со звеном шеи птицы была перепутана со звеном бамбука. Возможно, торопились или было темно... Но его расчёт оправдался!

Был ещё один интересный случай. На улице Карла Маркса реконструировали старый дом, до революции принадлежавший фамилии Ге, – хозяйки нескольких цветочных магазинов в городе. У Куракина по этому дому был полный пакет документов, включая даже чертежи архитектора Ковалёва. Тщательно изучив и зарисовав современную планировку дома, Куракин сравнил её со старыми схемами и безошибочно определил место предполагаемого тайника. В подвальном этаже была начерчена одна небольшая комната. По всей видимости, предназначенная для утвари дворника, но на самом деле здесь проходила ровная глухая стена. Продолбив её посреди ночи, Куракин увидел задрапированные бархатными шторами филианты книг и фамильное серебро. Видимо, золото и драгоценности, Ге все же успели вывезти. Впоследствии, только две книги из этогоклада – «EPIGRAMMATA» ERASMI ROTERODAMI и «BASIA» ЮHANNIS SECUNDI (изданные в Базеле, в 1518 году), на аукционе в Лейпциге ушли за 40 тысяч долларов! Но жил кладоискатель более чем скромно, практически все деньги оставлял в антикварных салонах и у коллекционеров. Я бывал у него в гостях, и мы подолгу разговаривали.

– Но если ты думаешь, – пояснял он, – что можно просто так войти в дом под снос и открутить приглянувшуюся тебе дверную ручку, то ты глубоко заблуждаешься... Башку оторвут, если не строители, которые эти дома разбирают на доски и кирпичи, так другие охотники за раритетами! Как-то мне пришлось с тяжелой кофемолкой «Пежо» (были такие незадолго до появления одноименных автомобилей той же фирмы) со второго этажа сигать на обломки кирпича и арматуры! Ладно ещё только два ребра сломал, зато машинку не повредил.

В домашнем музее Куракина наблюдается полная мешанина всех времён и народов, здесь кресло пушкинской поры мирно соседствует с погнутым штыком от винтовки Мосина, немецкий

армейский фонарик с изысканным канделябром из бронзы, а жеманный ночник в стиле ампир с радиокомодом сталинской эпохи. Куракин, ставит на патефон зацарапанную пластинку «Ленинские горы», наливает себе винца и блаженствует...

След золотого обзора

Всем земляным раскопкам предшествуют бумажные. Собрав воедино архивные записи, включая газетные вырезки, банковскую документацию и пухлую папку с допросами и объяснительными записками из НКВД, к началу лета 2002 года Алексей Куракин располагал следующей информацией. В 1918 году Казань на двое суток заняли белочехи. Первым делом они расстреляли ком-

мунистов, а вторым – обчистили сейфы Центрального банка. Шли по наводке, заранее зная, что в банковских подвалах лежит большая часть российского золотого запаса, спешно вывезенного из Москвы. Золотые слитки были поделены на три равные части и тремя обозами вывезены из города. Следы двух золотых караванов нашлись в Шанхае, а вот третий обоз, который сопровождал со взводом солдат полковник Тульчин, свернул с тракта и недалеко от города Лаишева исчез!

Только спустя 80 лет, когда были рассекречены некоторые архивы Татарского НКВД, завеса тайны над Лаишевским золотом чуть приоткрылась...

Из протокола допроса бывшего белогвардейца Барласа Хисматова, впоследствии принявшего литовское гражданство и именуемого Хисматас, следует, что до 1918 года Хисматов служил писарем у белочехов и участвовал в разграблении казанского банка и вывозе части российского золотого запаса с последующим сокрытием его в окрестностях Лаишева у деревни Сокуры. Вот, что он пишет в Объяснительной записке: «В одну яму мы уложили оружие в ящиках, в том числе новые револьверы системы «наган», в другую – конскую упряжь, в третью – солдатские шинели и сапоги. В четвертую же сложено было 26 ящиков, в основном по 2 и 4 пуда, несколько по 1 пуду, из них 8 с золотой монетой, остальные со слитками. Поскольку до края ямы ещё оставалось место, то затолкали туда и убитую лошадь, имея в виду, что ежели кто начнёт тут копать, то, увидев разложившуюся тушу, бросит».

Через час, после сокрытия клада, они наткнулись на засаду красных, и завязался бой, в котором полёг почти весь взвод. Офицеров, не долго думая, расстреляли. А Хисматов сказался крестьянином, насильно мобилизованным вместе с лошадей, и красноармейцы его пощадили. Месяц он кочевал с ними по окрестным лесам, а потом был отпущен домой в литовский город Тракай. По межправительственному договору тог-

да меняли всех желающих русских, проживавших в Прибалтике, на прибалтов, живших в России. Но тайна обжигала, озаря золотыми сполохами его нищее житьё-бытьё. В 1937 году Хисматов делится ею с другом детства Августом Лехтом, инженером из Вильно. Тот загорается: ехать! отыскать!

Опасное путешествие в Совдепию, совершенное Хисматасом и Лехтом, подробно описано в материалах следствия: кладоискателей чекисты допрашивали «с пристрастием» целую неделю! Выколотили из них все без исключения секреты, однако место захоронения золота установить так и не удалось. Дело в том, что за прошедшие годы облик местности изменился до неузнаваемости: сплошной лес вырубил, а на пустошах поднялся чахлый кустарник. Все приметы, какие помнил Хисматас, исчезли.

К «Делу» была припилена записка: «Направьте группу на место для поиска золота совместно с начальником УНКГБ тов. Петряковым. Результаты доложите. 04.06.41 г. Полковник Кобелев». Но дальше начинается какая-то мистика!

Читаем донесение: «По сообщению участкового милиционера Денисова удалось выяснить, что группа в составе: Петряков, Хисматас и Лехт вышла на работу в 6 часов утра 12 июня и направилась на дальнюю делянку, к условному квадрату Б-4, где накануне были вырыты 17 шурфов глубиной 2 метра. Расстояние от деревни Сокуры составляет пять километров. Землекопы в это время должны были уже приступить к работе. Однако, как показал бригадир землекопов тов. Салманов, никого из троих участников экспедиции, ни он, ни его работники не видели. Прочесывание местности также не дало никаких результатов. В избушке, где останавливались Петряков, Хисматов и Лехт, был найден среди носильных вещей маленький карманный дневник Петрякова, вот последняя запись из него: «Хисматас утверждает, что закопали клад между двух пихт на которые сверху была повалена берёза. Когда уходили, полков-

ник Тульчин будто бы крикнул ему: «Запиши: 5-я дорога от просеки вправо!» Вчера, наконец-то, нашли сильно заросшую предполагаемую пятую просёлочную дорогу. Завтра возьмём (неразборчиво) и выйдем с рассветом.... (неразборчиво) есть надежда, что... (обрыв записи)». Их искали до 22 июня, а потом началась война...

– Итак, – рассуждал Куракин, – что мы знаем о самом полковнике Тульчине? Почему он свернул с лаишевского тракта в сторону деревни Сокуры? Что напугало его? Скорее всего, красные. В данной ситуации полковник принял единственно верное решение, – идти в обход, по лесным тропам. Когда стало ясно, что с тяжёлым золотом им далеко не уйти, Тульчин отдаёт приказ схронить всё в яме.

То, что он не стал искать приметного места, лишний раз доказывает, времени на поиски и раздумья не было. Полковник отобрал трёх верных солдат, остальным приказал занять оборону и сам выбрал место. Единственная зацепка, о которой он сообщил своему денщику, перед самым боем с красными, в котором погиб, была такой: «Крест, который стоит на холме, должен оказаться как раз между двух сосен, как мушка на винтовке. В одну из сосен я воткнул свой нож!».

С тех пор, все кто знал об этой зацепке, искали на холмах близ деревни Сокуры заброшенную могилу с крестом. Но думаю, что никакой могилы не было... Сокуры – родовое имение поэта Гавриила Державина, с тех пор здесь сохранилась Никольская церковь. На окраине деревни, за прудом, невысокий холм. Если встать приблизительно в двух километрах от деревни с северной стороны, то холм закрывает высокую колокольню церкви практически полностью. Будет виден лишь крест, о котором и говорил полковник. Всё бы хорошо, но теперь на колокольне нет креста.

Я раздобыл дореволюционную фотографию Никольской церкви, приблизительно рассчитал возможную высоту креста. И прикинувшись страстными по-

клонниками поэзии Гавриила Державина из Общества любителей русской словесности, мы отправились в Сокуры. В первый же день вошёл в доверие и расположил к себе местного графомана, влюблённого в оды Державина. Начало было хорошим, но вот дальше... Оказалось, что лет десять назад председатель колхоза дал распоряжение срыть холм для расширения площади пахотных земель, но так как бульдозерист немного переборщил и срыл больше, чем положено, то господский пруд с жирными карпами, хлынул на место бывшего холма. Таким образом, загубили сразу и холм, и пруд. Далее, пришла очередь соснового леса, где когда-то крепостные собирали к господскому столу грибы и ягоды. Когда вырубали лес, то один из дровосеков отыскал тот самый нож полковника Тульчина. Он по рукоять врос в древесину, и, кажется, готов был уже дать молодые побеги. На клинке разобрали буквы: «Mozell! TER», и посчитав, что он мог принадлежать только самому поэту, отдали находку в школьный музей, где был даже бюст Державина, вылепленный из теста!

Так что одно из двух: либо клад погрузился на дно господского пруда, либо достался бульдозеристу, который, кстати, после этого быстро спился. Причём, говорят, пил исключительно коньяк!

Краплёные карты Державина

– Оказавшись в родной деревне Гавриила Державина, – продолжал свой рассказ кладоискатель, – грех было не заглянуть в бывшую Никольскую церковь, где венчался поэт со своей второй женой, а в советское время ставшую овощехранилищем.

Дожди сквозь дыры в куполе смыли все краски иконостаса. Остался лишь смутный контур святых на потрескавшихся досках, да чудом уцелел стро-

гий божий глаз, облитый золотым лучом. Когда я проходил мимо старинной печи, на которой сохранились осколки голубых изразцов, машинально сунул руку в какой-то каменный карман. Среди лохмотьев паутины и мягкой вековой пыли нащупал бумажный свёрток. Это были замусоленные старинные игральные карты: некоторые из них хорошо сохранились, другие были порваны и попорчены сыростью. Интересно, что король пик был с монголоидными чертами лица, а король червей оказался светловолосым, голубоглазым русичем. Каждая карта имела верх и низ, – то есть не было зеркальности изображения. Карты были крапленые, на зелёных «рубашках» можно различить глубокие отметины ногтем. Каким же образом карты оказались в церкви? В том же кармане я отыскал обрывок бумаги с исповедью или обетом кающегося картёжника: «...жаль бедной души... И решил я лучше погибнуть, чем взять их в руки... Всяческого презрения достоин».

Никакого свидетельства, что карты принадлежали самому Державину, у меня не было, однако, всё говорило в пользу этой версии. Вот биографический отрывок из жизни поэта: «...потом потихоньку из пьяного загула уходил в карточный. Однажды даже просадил своё имение близ Казани, правда, потом отыгрался. В молодости играл безоглядно и проигрывался в пух, после чего сидел на хлебе и воде и безвылазно сочинял стихи. Так, после очередного «карточного угара» была написана «Фелица»!

Эксперты, которым я впоследствии демонстрировал эту находку, сходились на том, что именно такие карты были в ходу во времена Державина. Оценили колоду в 5 тысяч долларов, было это в 1999 году, но с ней я не расстался и иногда вечерами раскладывал пасьянс. Да, из-за этих карт я чуть было не стал заядлым картёжником. Было в них какое-то очарование, колдовство, что ли...

От московского коллекционера Михаила Хвостова я узнал, что во време-

на Державина и Пушкина интеллектуальные игры не были популярны. В ходу были самые простые, где всё решалось бесповоротно в одно мгновение, а единственно правильной тактикой являлись безрассудство и смелость. Игнали в штос, в экарте, но чаще в банк. В игру кидались очертя голову, не задумываясь о последствиях. Так князь Голицын проиграл в карты свою жену, молодую красавицу, московскому богачу и щеголю Льву Разумовскому! А Пушкин настолько отдавался игре, что, оставшись без денег, предлагал в виде ставки и даже проиграл недописанную четвертую главу «Онегина» из расчета 25 рублей за строчку, потом, отыграл её, выставив на кон фамильные пистолеты.

Ухмылка князя Меншикова

– Думаю, что у каждого профессионального кладоискателя, – признался Алексей Куракин, – есть свои какие-то крупные поражения, вспоминая которые, просто на стенку лезешь! Так, я целых два года посвятил поискам клада князя Меншикова в деревне Верхний Услон, что на правом берегу Волги.

Из истории известно, что когда князь попал в опалу, его в обозе вместе с женой и детьми отправили в Сибирь. По дороге жена заболела и умерла, как раз в этой самой деревне. Похоронил светлейший князь свою супругу Дарью Михайловну на высоком волжском берегу, поклявшись после своего освобождения перевезти её прах в семейный пантеон, в Санкт-Петербург.

В редком фонде библиотеки имени Лобачевского сохранилась опись, разрешённого к вывозу князем из столицы имущества. Среди прочего: перстень с алмазами и филигранью, дарённый Петром Великим, диадема с 33 крупными жемчугами, янтарные шкатулка и табакерка, а также три золотых мундштука.

Кроме того, именной кортик в золотых ножнах и дорожная фляга, инкрустированная перламутром. Думаю, что и корсет супруги был не пуст! Но всё это бесследно исчезло после похорон. В конечный пункт своего назначения, в городок Берёзово, князь прибыл пустой, чем весьма огорчил приставленных к нему лиц, предвкушавших лёгкую добычу. «Незнаю как и обронил, – отшучивался князь, – дороги-то у нас не бархат!» В это время и родилась легенда о кладе опального князя Меншикова, который в основном искали в Берёзове и окрестных болотах, и только я предположил, что он может находиться в Верхнем Услоне.

Согласитесь, похороны очень удобный случай для того, чтобы спрятать свои ценности: яма вырыта, конвой оставляет князя наедине с супругой и тогда... Я был буквально в двух шагах от своей мечты! Клад был у меня под ногами, всего лишь на глубине могилы... Досадно было только то, что каких-то лет пять до меня старинную могильную плиту пустили под фундамент здания местной «Почты». Место, откуда рабочие перетаскивали камень, я знал приблизительно, так как сами строители – люди вечно не просыхающие – указывали на разные места. Но сложнее было приступить к раскопкам. Пришлось сделать фальшивые документы на имя несуществующего Ивана Симохина – бойца

«Снежного десанта», якобы разыскивающего могилы неизвестных солдат. В 1946-м в деревне проходили послеоперационную реабилитацию бойцы Красной Армии, поэтому моя версия выглядела вполне правдоподобно. Я уговорил знакомых ребят-студентов и экипировал их зелеными куртками с эмблемой десанта.

Согласовав свои действия с сельсоветом, мы приступили к земляным работам. В первый же день раскопали три чужих могилы, по всей видимости, во времена Меншикова здесь находилось старое кладбище, но княгини среди них не было. На следующий день разрыли ещё четыре могилы, и уже на закате стали копать пятую, как вдруг лопата выбила искру о розовый камень. Это оказался осколок, на котором я прочёл заветное: «...гиня Мен...». Это была удача!

Наступала ночь, и мы пошли отдыхать, а утром, как только засветилась кромка горизонта, я услышал, как вздрогнула земля, затрещали сучья дерева и край оврага, тяжело отвалившись, с грохотом обрушился на дно, запрудив ручей. За сутки образовалось небольшое озерцо, где в пене крутились щепки и мусор. Как же я так просчитался? Не учёл мягкость и «пльвучесть» местного грунта, который мы сами же и ослабили копанием двухметровых ям!

Это было поражение, вспоминая которое, я кусаю локти до сих пор.

Записал Александр Волжский

Рис. Ф. Галеевой

